

19 декабря 1972 года

● ТВОРЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

Волшебник с берега Прони

РАЗНАЯ бывает популярность у актеров. Легче всего она приходит к тем, на чью долю выпадают роли героические, эффектные — неискушенный зритель частенько не делает различия между актером и образом. Но есть другая категория актеров, у которых роли не «заглавные», а подчас и совсем небольшие. Им приходится изображать людей не только привлекательных, но иногда и совсем не симпатичных, которые вызывают не восхищение, а осуждение зрителей. Но чем-то очень правдивым, глубоко жизненным задевает этот актер, и вот уже ищешь его имя в программе и ждешь поднятия занавеса с предчувствием, что и на этот раз встреча с ним обогатит тебя дыханием подлинного искусства.

Именно к таким мастерам сцены и принадлежит Михаил Васильевич Брылкин.

Память наша — своего рода контролер значимости, и при том весьма требовательный. Она безжалостно уничтожает все поверхностные впечатления, даже если в свое время они и казались яркими, и хранит глубоко в душе все подлинно значительное. Одни спектакли и роли совсем стерлись в памяти или проходят бледной тенью, другие — встают зримо, полнокровно. Так, отчетливо запомнилась одна из первых встреч на сцене с молодым актером Брылкиным. В театре юного зрителя шла пьеса В. Розова «В добрый час», которая в пятидесятых годах завоевала большую популярность. На сцене появился сибирский паренек Алексей, приехавший в Москву поступать в институт. И было в этом юноше, внешне неказистом, угловатом, что-то очень крепкое, внушающее доверие, и фигура его, далеко не богатырская, дышала внутренней силой. В игре актера не чувствовалось ни малейшей нотки фальши, она была проста, но простота на сцене — это и есть, наверное, самое трудное.

Потом рязанские зрители увидели целую галерею образов, созданных Михаилом Васильевичем Брылкиным, образов совершенно разнохарактерных, но всех их объединяло одно: удивительная достоверность, убедительность, острая выразительность в сочетании со строго реалистической простотой.

Еще в театре юного зрителя актер, чувствовалось, искал себя и все больше тянулся к ролям характерным, хотя были в его репертуаре и такие роли, как Аркадий Гайдар в пьесе Ц. Солодара «Всадник, скачущий впереди» и Жадов в «Доходном месте» А. Островского. Но вместе с тем и Питер — старый негр-проповедник из «Дороги свободы», и старик Дубровский. Эта роль, несмотря на возрастную разницу, как-то особенно легла на душу. Михаил Васильевич внимательно рассматривал иллюстрации к повести Пушкина, сам делал зарисовки, зримо представляя себе лицо, фигуру, походку Дубровского. Он подчеркивал в своем герое не старческую немощь и дворянские замашки, а гнев за поправную справедливость, внутреннее достоинство.

Но, наверное, особенно ярко проявилось это стремление актера раскрыть сущность человека, его достоинство в образе Аркашки Счастливецова из ко-

меди А. Н. Островского «Лес». В то время М. Брылкин уже перешел из ТЮЗа в областной театр драмы, где играет до сих пор.

...Бродячий актер Счастливец, в нелепом costume, с котомкой за плечами, первоначально вызывает невольную улыбку и словно бы теряется перед импозантной фигурой своего коллеги-трагика Несчастливцева. Но чем дальше развивается драма человеческих отношений в мрачном «лесу» царской России, тем больше проникаешься симпатией к Аркашке — подлинному подвижнику в искусстве, униженному властными и богатыми, но не потерявшему чувства доброты, справедливости, бескорыстия.

А вот уже наш современник — Стрешнев из спектакля «Дали неоглядные» Н. Вирты. Все, кто видел этот спектакль, не забудут дотошного старика-колхозника, прозванного «отрицателем», настолько он был живым, прямо шагнувшим на сцену с сельской улицы, с колхозного поля.

Журнал «Театральная жизнь», рассказывая о спектакле Рязанского театра, назвал М. В. Брылкина в числе лучших исполнителей. «Вот она — сила подлинной и глубокой связи с народной жизнью!» — писал автор.

— Еще бы не связь с жизнью! — смеется Михаил Васильевич, когда мы вспоминаем с ним эту роль. — Я ведь деревенский, самый обыкновенный деревенский парень, и связей с родным Семионом не порываю.

И с теплым блеском в глазах вспоминает то, что осталось навсегда дорогим, — тихие зеленые удны села, яблоневый цвет по весне, рыбалку на Проне, неторопливые рассказы деда про старину.

— Да вот она, наша улица, сейчас покажу.

Михаил Васильевич торопливо выходит в другую комнату и возвращается с грудой акварелей, рисунков. На одном из них — сельская улица, домик с палисадником.

Разговор сразу переключается на живопись. Ведь это — вторая страсть Брылкина и, пожалуй, трудно сказать, чем больше одарила его природа — талантом актера или художника. Очень может быть, что, не попади он в училище знаменитого Малого театра, в опытные руки В. Н. Пашенной, то вошел бы он в большой мир искусства другим путем — путем художника.

Несколько лет назад в театре была организована персональная выставка работ М. В. Брылкина. Посетители неволь-

но удивлялись, что автор их — актер, а не профессионал-художник: столько зоркого художественного глаза, уверенности руки было в этих натюрмортах, портретах, пейзажах.

Мы сидим в уютной квартире Михаила Васильевича и перелистаем альбом акварелей.

— А это уже не мое творчество, а дочки, — откладывает он в сторону один лист. — Она ведь в этом году окончила детскую художественную школу.

Ясноглазая Леночка смущенно краснеет и поспешно ретируется в свою комнату.

А мое внимание привлекает диковинная ваза в углу: не могу понять, из чего она? Заметив мой взгляд, Михаил Васильевич улыбается:

— Это еще одно мое увлечение, так называемые капы — поделки из древесных наростов.

Кто из нас не видел в лесу этих некрасивых «опухолей», уродующих стволы красавиц берез? Оказывается, именно из них и получаются оригинальные вазы, подсвечники, пепельницы.

— Вы знаете, я очень люблю растения, — задумчиво говорит мой собеседник, осторожно касаясь рукой пышной зеленой шапки домашнего цветка. — Иногда мне кажется, что они способны так же чувствовать, как и животные...

Глаза его мягко лучатся, и мне сразу вспоминается одна из самых первых ролей Брылкина — добрый сказочник из «Снежной королевы» Андерсена. Есть что-то в самом Михаиле Васильевиче от этого сказочника. Простой, непричудливый, скромнейший человек, такого встретишь в толпе — не обернешься. Но подвластна ему некая волшебная сила. Берет грубый кусок дерева — и вот уже перед вами прелестная ваза. Взял в руки карандаш — и на белом листе бумаги возникает уголок родной природы. А самое главное волшебство — когда раздвигается занавес...

И нет тогда уже актера Брылкина. Он превращается в одного, то в другого человека; их много, этих образов, всех невозможно перечислить, и каждого из них мы либо любим, либо ненавидим, но ни к кому не относимся равнодушно — такова сила искусства.

Недавно вышел новый спектакль — «И проснулся знаменитым» по пьесе Е. Каплинской. Роль там у Михаила Васильевича невелика, драматург отпустил ему немного материала, а уходишь из театра — и стоит он перед глазами, этот начальник цеха, влюбленный в свои станки, в свое производство, для которого рабочая честь — превыше всего.

В эти дни на экранах идет фильм «Зимородок». В нем занят М. Брылкин. И хотя исполненная им роль невелика, она согрета теплом его большого сердца.

Уже многие десятки ролей сыграны, а все кажется, что главная — впереди. Как и все настоящие художники сцены, Михаил Васильевич мечтает о «своей», особой, заветной роли. Пока она не имеет имени, но это роль о нашем современнике.

Е. КАРПЕЛЬЦЕВА.

На снимке: артист Рязанского театра драмы М. Брылкин.

Фото И. Концевого.